

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, теории и методологии Института социологии НАН Украины

ВИКТОР ТАНЧЕР,

доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела истории, теории и методологии Института социологии НАН Украины

Символ и симулякр. Концепция символа в социологии постмодерна

Abstract

In sociology of postmodern, due to concepts of symbol and simulacr (?), one could reveal the phenomenon of total semiotic organization of social life. In the modern culture, determination without an object for determination gained the status of unique and self-sufficient reality.

The modern culture loses feeling of life and reality. Language as a way of understanding got rid of the reality, life became a sign. The culture of postmodern denied the reality by changing it into an aspect of semiotics.

Символическое вместо системного

Место символического в постмодерном социологическом теоретизировании определяется по тому вниманию, которое уделяется там современным культурным изменениям, проблемам идентичностей и различий, означиваний социальных явлений и их аналитического представления. Вообще в современной социологии наблюдается возрастание субъективно-ценностных компонентов социологического познания, “переосмысление предпо-

сылок и языка социального знания, идентичности и политик” [1, с. 66], отделение теоретических построений постмодернизма от социальной детерминации.

Это проявилось в самом начале “постмодерного поворота” социологической аналитики. Наиболее значительная и противоречивая фигура постмодернистской концептуализации, Ж. Бодрийяр поставил проблему “конца социальности” в центр своих размышлений о сущности современных социальных трансформаций. По его убеждению, если она еще и существует, то, несомненно, пребывает в упадке с конца XX века. Это происходит вследствие расцвета различных видов *символического порядка*, который отдает предпочтение не коммуникации, функционально-ролевому взаимодействию, а прежде всего обозначениям (significations) или способам конструирования реальности при помощи масс-медиа. Именно последние, по мнению сторонников постмодерного подхода, не только конструируют образ социального, лишая его какой-либо идентичности, но также нейтрализуют (выводят за скобки) социальные отношения [1, с. 114].

Социальное, по сути, становится “симуляцией” масс-медиа и информационных технологий, утрачивает собственную автономию, происходит “деструкция социального”. Распространяемая информация не продуцирует “смысла”, не способствует социализации, а наоборот, по словам Бодрийяра, “взрывает социальность”. Иначе говоря, социальность поглощается новой культурной логикой масс-медиа.

Отсюда выводится бессмысленность научного постижения социальных и культурных трансформаций, поскольку каждое такое изменение ограничивается сверхреальностью социального — миром символов и симулякров. В постмодерном мире, где стираются различия между медиа-продуктами и реальностью, все может быть только тем или иным видом симуляций, каждая из которых так же реальна, как и любая другая [2, с. 112]. Знаменитая фраза М. Маклюэна: “medium is the message”, которую обычно переводят как “весь смысл в средстве”, уже представляется недостаточной. Не только содержание поглощается средством, оба они формируют “одну непостижимую реальность”, согласно постмодернистским тезисам (Бодрийяр).

Исходя из аргументации одного из ярких аналитиков постмодернизма в наши дни С. Лэша [3, с. 111], мы являемся свидетелями завершающей стадии перехода от “системы” к “символу” в качестве базовых понятий социологии. По его утверждению, весь XX век прослеживалась тенденция эволюции от позитивистской социологии (французской), которая базировалась на модели абстрактной “системы”, позволяющей объяснять социальные отношения как элементы структуры и функции этой системы, к интерпретативной социологии (немецкой), предлагающей более тонкое и сложное объяснение социальных отношений, и к смещению акцентов теоретического анализа на “внутренние” сферы объектов, которые постигаются при помощи понятий “символизации”. Социология все больше отдаляется от сосредоточенности собственно на социальной сфере, подчеркивая автономность субъективного [4]. То есть наблюдается перемещение акцентировки исследовательского внимания от знаний, структурируемых системой, к знаниям, оперирующим принципом “символизации”.

Вышесказанное в значительной степени и определяет место процессов символизации, категорий “символ” и “символизация” в современной социологии.

Показателен в этом смысле пример аналитики Бодрийяра. Он констатирует в современной культуре отсутствие символического. Удивляет парадоксальность подобного утверждения. Существует ли символ в современной культуре? Несомненно. Продолжает ли жить миф в современной культуре? Бесспорно, в самых различных модификациях. Получается, что символы, мифы как развернутые символы существуют и успешно используются, а само символическое исчезло? Начнем с того, что символическое, по Бодрийяру, представляет особую форму социального взаимодействия, которое отсутствует в современном обществе. А именно: в обществе, в котором накопление, взятое в различных формах (накопление богатств, знаний, ресурсов, талантов), является доминантой социальной жизни, — в таком обществе утрачено символическое начало.

В отличие от распространенных интерпретаций символического, которые понимают символическое как специфическую разновидность знака, новаторский подход Бодрийяра заключался в попытке придать этому понятию социально-критический характер. Для Бодрийяра символ — отнюдь не простой лингвистический знак, наряду с сигналом, аллегорией или признаком. Для него символическое — это определенный способ понять современное общество, определить его ценностные характеристики.

Иллюстрацией символического в социальной жизни выступают феномены “дара”, “жертвоприношения”, которые соотносятся с понятием “обратимость”. О наличии символического в обществе свидетельствует существование “обратимых”, а не “эквивалентных” отношений. Яркие примеры обратимых отношений Бодрийяр находит в архаическом обществе, в первобытных формациях. Находясь под влиянием известной работы М.Мосса “Очерк о даре”, в которой французский антрополог в феномене дарения в первобытном обществе увидел противоположность социального и экономического обменов, когда “все — пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги — составляет предмет передачи и возмещения” [5, с. 103], Бодрийяр строит свою модель идеального социального устройства. Социальный обмен в первобытном обществе не всегда означал, что подаренная вещь может быть замещена другой, в этом можно было бы видеть прообраз экономического обмена. В северо-западных американских племенах существовала такая форма дарения, когда во время зимних празднований нерационально уничтожались все произведенные племенем запасы, что среди антропологов получило название “потлач”. В некоторых видах потлача от человека требуется истратить все, что у него есть, и ничего не оставлять себе, самый богатый оказывается и самым расточительным. Такая форма отношений является для Бодрийяра образцом символического отношения.

Поэтому для него исчезновение символического отношения как формы связи между людьми связано с процессом накопления, когда вещи и силы не растрачиваются в самозабвенном порыве, а становятся предметом накопления. Капитализм (а значит модернность) уничтожает символическое, поскольку при этом укладе оказалась забытой природа дара и жертвоприно-

шения. А раз так, то исчезает основа для символических связей. Или они предстают в совершенно ином облики.

Символ, ценность, симулякр

Перед исследователем, пытающимся зафиксировать ценностный сдвиг в сознании современного общества, встает проблема выработки соответствующего языка описания. Как описать различные фазы в изменении ценностного сознания современного общества? И что значат ценности сегодня? Насколько вообще применимо понятие ценность к моделям поведения, порождаемым современной массовой культурой? Ценности современного общества носят “призрачный” характер, поскольку утратили всякую связь с неким трансцендентным образом.

Именно для того, чтобы выразить изменения ценностного сознания современного общества, Бодрийяр вводит понятие “симулякр”. В переводе с латинского *simulacrum* означает “образ”, “подобие”, “видимость”, “призрак”, “сновидение”. Бодрийяр предлагает переосмысление латинского термина, сохраняя его этимологическое значение. Под симулякром понимается возникающее некое правдоподобное подобие отсутствующего объекта, копия, которая не отражает никакой реальной объект. Или же “копия” без наличия оригинала.

То, что является ценностью современного общества, не может быть осмыслено в категориях “добро — зло”, “истина — ложь”, “справедливость — несправедливость”, “реальность — иллюзия”. Постмодерное ценностное сознание преодолевает указанную понятийную дихотомию, образуя некий новый тип ценности, который отрицает “и оригинал, и копию, и модель и репродукцию” (Делёз).

Иначе говоря, современное общество ориентируется на специфического рода ценности. На ценности, которые и не являются ценностями в традиционном смысле слова. Выразить эти новые ценности и призвано понятие “симулякр”. Симулякр, по Лэшу, предстает продуктом недискурсивного языка, где обозначающее и обозначаемое не являются релевантными. Диапазон значения симулякра охватывает не только сферу слов и вещей, а и сферу человеческих существ и социальных поступков [4, с. 105–106].

У современного симулякра есть своя история. Она начинается с того времени, когда появляется первая подделка. Мода и подделка, считает Бодрийяр, рождаются одновременно в эпоху Возрождения. Подделку не следует рассматривать только как некое ухищрение преступного сознания. Эпоха Возрождения с его культом театральности создает целую “метафизику подделки”. Подделка присутствует на всех уровнях, начиная с некоторых элементов одежды и кончая лепными интерьерами. Она имеет смысл только благодаря различию между сущностью и видимостью и не претендует на то, чтобы окончательно подменить собой реальность и истину.

Новая стадия в истории симулякра связана с развитием рыночных отношений, с эпохой промышленной революции. Создается возможность серийного производства вещей, которые выражают уже не отношения аналогии или подражания, а скорее эквивалентности и неразличимости. Появляются в массовом количестве идентичные объекты, которые не соотносятся друг с другом как копия и оригинал.

Третий, современный период истории симулякра связан с “метафизической кода”. Открытый биологами генетический код воспроизводства всего живого может послужить моделью информационных процессов, происходящих в обществе. Суть ее в том, что в сигналах кода, по которым происходит синтез молекул ДНК, отсутствует всякая референция, они не подлежат никакой интерпретации. То есть генетический код регулирует жизненные процессы посредством телеономического принципа, когда цель не полагается в конце, а присутствует изначально и не подлежит коррекции.

Аналогичные процессы происходят и в современном обществе. Социальный контроль через формулирование цели заменяется социальным контролем через предлагаемое предвидение, симуляцию. Иначе говоря, целенаправленный процесс социализации замещают порождающие модели. Наступает эпоха недетерминированных субъектов и ценностей. Ведь детерминация предполагает направление человеческой деятельности определенной внеположной ей реальностью. Эта реальность может выступать в качестве трансцендентной сущности, идеи, категорического императива, цели. Недетерминированный субъект означает субъекта, свободного от ценностных регулятивов. Этому субъекта порождает не целевая установка, а некая модель, матрица — ключевые термины постмодернистского объяснения социальных процессов.

Структурный закон ценности

Такой “ценностный дрейф”, не обусловленный трансцендентными нормами, Бодрийяр описывает при помощи понятия “структурный закон ценности”. При этом он опирается на некоторые положения лингвистики Ф. Соссюра, который выделял два аспекта в обмене языковыми элементами. С одной стороны, языковые элементы соотносятся друг с другом (это внутрисистемная и образуемая различительными оппозициями соотношенность всех элементов между собой); с другой — языковые элементы соотносятся с чем-то означаемым (отношение между элементом и тем, что он обозначает).

Первый аспект соответствует структурному измерению языка, т.е. этот аспект лишен референциального отношения, он предполагает отношение языковых элементов друг с другом. Соответственно, структурный закон ценности предполагает соотношенность ценности с самой собой. Иначе говоря, структурное измерение приобретает автономность, независимость от реального содержания. Ценность теряет детерминацию, она перестает быть связанной с чем-то трансцендентным, абсолютным. Новой формой сигнификации является не знак вообще, а особая организация, именуемая кодом.

Привлечение некоторых положений структурной лингвистики для описания социальных процессов не является новым. Однако Бодрийяр совершает определенную манипуляцию с лингвистическими понятиями. Он стремится показать, что модели, выработанные структурной лингвистикой, поменяли свой статус: из средства описания они превратились в онтологические структуры, управляющие жизнью современного общества. Лингвистические законы в определенном смысле натурализовались, приобрели онтологический статус. Главенствующим образом современной культуры становится генетический (лингвистический) код, эмансипированный знак, потерявший интерес ко всякой референции.

Каждому периоду человеческой истории, каждой социальной формации свойственна только ей принадлежащая структура. Применительно к лингвистике или структурализму Бодрийяр совершает операцию радикальной онтологизации. Лингвистика из некоего набора правил, конструкций, постулатов и принципов, объясняющих некоторые факты языка, превращается в самый принцип построения этого мира. Она превращается из объясняющей модели в модель порождающую. Так происходит радикальная онтологизация лингвистических моделей. Лингвистика перестает быть только наукой, объясняющей мир посредством понятий “код”, “оппозиция”, “бинарность”, “синхронность”, “диахронность” и др. Это не просто понятия, объясняющие мир, согласно этим понятиям происходит его возникновение. В основе социального мира в качестве управляющего этой формацией закона лежит принцип кода. Ему подчинены все стороны социальной жизни, все ее явные и неявные структуры. Иначе говоря, мы не познаем мир посредством лингвистических принципов; сам мир в своей сущности есть этот лингвистический принцип.

Отсюда задача социолога заключается в том, чтобы показать присутствие кодированного знака во всех сферах социальной жизни. Это особенно важно потому, что знак, не детерминированный никакой референцией, с одной стороны, открывает возможность универсальной подстановки, замену одного означающего другим, а с другой — вносит дискретность в единый процесс социальной жизни. Сферы производства, коммуникации, моды, искусства становятся независимыми друг от друга.

Благодаря эмансипированному знаку открывается возможность подстановки элементов, которые раньше были противоречивыми или диалектически противоположными. Иллюстрируя эту мысль Бодрийяра, мы можем привести различные примеры “обмениваемости” взаимоисключающих понятий. Например, война и мир. В обществе не идет война, но в реальности потери мирного населения сопоставимы с военными. “Взаимные подстановки красивого и безобразного в моде, левых и правых в политике, правды и лжи во всех сообщениях масс-медиа, полезного и бесполезного в бытовых вещах, природы и культуры на уровне значения. В нашей системе образов и знаков исчезают все основные гуманистические критерии ценности, осуществлявшие собою вековую культуру моральных, эстетических и практических суждений” [6, с. 55].

Показательно, что С.Лэш пришел к заключению о том, что сегодняшняя культурная среда переживает период “пере-дифференциации”, нового “режима означивания” на фоне обесценивания значения как такового, новой дифференциации означающего и означаемого. Пример тому — популярность такого течения, как сюрреализм.

Эмансипированный знак проявляет себя и в теоретической деятельности, которая тоже потеряла свой референт, крутится вхолостую, срывается в “штопор бесконечных самоотражений в стремлении к недостижимой реальности”. “Плавающему” знаку соответствуют “плавающие” теории. Теории имеют смысл, поскольку перекликаются одна с другой, “напрасно требовать от них соотнесения с какой бы то ни было реальностью” [6, с. 55]. Зеркало теоретического производства треснуло, заключает метафорически Бодрийяр.

Особый интерес представляет лингвистический анализ элементов политической экономии. Взаимосвязи означающего и означаемого в знаке соответствует единство меновой и потребительной стоимости в товаре. Потребительная стоимость выступала своеобразным референтом, означаемым политической экономии, играла роль горизонта и целевой установки промышленного производства.

Бодрийяр верно замечает, что до появления политической экономии ничего собственно и не производилось. Все выводилось из божественной благодати или природной щедрости. Средневековое общество не знает ценности труда. Ценность — порождение божественных или природных качеств. Здесь, по Бодрийяру, господствует природный закон стоимости. Капитализм утверждает новую форму ценности. Ценность начинает производиться. Эта парадигма становится определяющей и для понимания символа. В современном обществе символическая деятельность понимается как деятельность, наделяющая предмет значением. В то время как для средневекового общества такие символические образования, как богатство, власть, авторитет, представляют собой естественные образования. Они не порождены человеческим трудом, поскольку вся созидательная деятельность всецело принадлежит божественным персонажам. Производит Бог, Природа, а не человек. “Вся эта конструкция распределения богатств или же природного наделения ими испытывает резкую перемену, когда ценность становится производимой, когда ее опорой оказывается труд, а ее законом — всеобщая эквивалентность любых видов труда. С этого момента ценность (стоимость) приписывается определенным рациональным операциям человеческого (общественного) труда. Она оказывается измеримой, а вместе с нею — и прибавочная стоимость” [6, с. 56].

Итак, ценность производится или существует от века. В этом различии кроется различие двух фундаментальных эпох человеческой истории: средневековья и нового времени.

Развитие капиталистического производства привело к радикальному изменению “классической” экономики стоимости, к разрушению осмысленного единства потребительной и меновой стоимости. Потребительная и меновая стоимости отделяются друг от друга, “референциальная стоимость уничтожается, уступая место чисто структурной игре ценности” [6, с. 52]. Структурное измерение приобретает автономию с исключением референциального измерения, строится на его исчезновении. Референциальное измерение — это потребительная стоимость.

Бодрийяр указывает на происходящие процессы, когда на основе биржевых спекуляций возникают гигантские состояния, когда в мировой экономике обращается такое количество долларов, которое не может быть обеспечено золотым запасом США. Возникает ситуация, когда знак порождает новый знак, безотносительно всякой референции. “Нет больше никаких референций производства, значения, аффекта, субстанции, истории, нет больше никакой эквивалентности “реальным” содержаниям, еще отягощавшим знак каким-то полезным грузом, какой-то серьезностью, — то есть нет больше формы как представительного эквивалента. Победила другая стадия ценности, стадия какой-то относительности, всеобщей подстановки, комбинаторики и симуляции” [6, с. 52].

В эмансипации знака, то есть в его способности представлять самого себя, а не реальность Бодрийяр увидел симптом современной эпохи, всеобщую сумятицу идей, ценностей, реальностей, стилей, направлений, переживаний, вовлеченных в жизнь современной культуры и не связанных с напряжением реальной жизни. Недетерминированный, свободный знак стал символом современного мира, провозгласившим избыточность референции. Настало время симулякров. Однако отсутствие референции означает, что весь мир вещей, чувств, идей плавает, не связанный никакими трансцендентными ценностями. Отсутствие референции — это отсутствие почвы под ногами, субстанции, земли.

Эмансипированный знак превращает весь мир в разновидность лингвистического кода. Функцию власти в ее установлении порядка взял на себя код, именно он упорядочивает функционирование вещей, идей, аффектов. Лингвистический код вместе с генетическим кодом пришли на смену закону ценности, связанному с миром идей, с трансцендентными ценностями, понятиями веры, чувствами долга и привязанности.

Постмодерная эпоха отрицает присущие средневековью и новому времени отношения к ценности. Ценность и не производится, и не существует от века. Возникает новое отношение, ценность превращается в знак без референта. Она полностью включена в функционирование социального кода. Согласно Бодрийяру, действует структурный закон ценности, когда ценность соотносится с другими ценностями и не соотносится больше с трансцендентальными образцами.

Таким эмансипированным знаком выступает, прежде всего, симулякр. Масскультовская продукция, доминирующая на рынке духовного производства наших дней, все чаще предстает в виде симулякров. Главным производителем неомифологии остается кинематограф. Популярность кинофильмов типа “Матрицы”, “Терминатора”, “Робокопа” и т.п., а также их клонов, экранизаций “Властелина колец” и “Гарри Потера”, компьютерных игр на их основе свидетельствует о появлении новой социальной реальности, которую кинематограф лишь пытается безыскусно смоделировать. Главное их содержание — видео-аудиоэффекты, которыми и исчерпываются смысл и цели подобных произведений. Нынешний “парк культуры и отдыха” размещается в виртуальных сферах новых коммуникативных технологий.

Литературные произведения Дж.Толкиена и Дж.Роллинг можно считать знаковым свидетельством постмодерного мировосприятия. Они принципиально отличаются от “научной фантастики” современной эпохи. В книгах Ж.Верна, А.Толстого и др. получали отражение экстраполяции определенных тенденций научно-технического прогресса на будущее, т.е. они отталкивались от явлений реальных, прогнозируемых, теоретически возможных и т.д. Постмодернистское “фэнтези” отличается от “научной фантастики” как предвидение от пророчества — они строятся на разных основаниях. Искусственный мир невероятности не нуждается в каких-либо связях с действительностью, потому “исторические хроники” несуществующих стран и “карты” вымышленных государств выступают характерными примерами симулякров, заполонивших современную массовую культуру. Субкультура симулякров, знаков, лишенных референта, наступает по всему полю культуры, и это отражает общий процесс семиотизации жизни.

Утрата символического начала — новый источник власти капитала

Эмансипированность знака определенным образом сказалась и на трансформации политических отношений. Современная власть не опирается на какой-либо господствующий класс или силовое отношение. Эта власть растворена в окружающих ее знаках. Это символическое насилие, всюду вписанное в знаки, даже в знаки революции. Здесь мысль Бодрийяра перекликается с известными идеями П.Бурдьё о государстве как обладателе монополии на легитимное символическое насилие. Однако Бурдьё символическое насилие видит не в универсальном господстве кода, а в навязывании государством через своих доверенных лиц (учителя, профессора, священники) своего видения социального мира.

Капитал для Бодрийяра нечто большее, чем производство, — это система кодов. Капиталистическое общество больше не характеризуется теми отношениями базиса и надстройки, о которых писал К.Маркс. Капитал как некая гигантская семиотическая машина, лингвистический код осуществляет свою власть тем, что согласно логике безреференционального знака охватывает современную культуру, потребности, речь, информацию и коммуникацию, право, свободу, сексуальность, инстинкт самосохранения.

Только в сопоставлении с семиотической властью капитала может быть понята концепция символического у Бодрийяра. Исходным пунктом для понимания является его положение о том, что *уничтожение символического означает появление власти*. Символическое, поэтому, есть то, что противостоит господству капитала. Символическое существует там, где отсутствует частный эгоистический интерес, где накопление знаний, богатств, добродетелей ничего не значит, где поступки человека противостоят расчету и выгоде рациональности. Символическое — там, где имеет значение неоправданная жертва, где смысл поступка не всегда рационально постижим.

Очерченная таким образом область символического может существовать только в некотором утопическом проекте, как некий идеальный горизонт современного общества. Однако Бодрийяр пытается скрыть утопическую компоненту своей концепции. Он видит подлинное воплощение символического в некоторых традициях первобытных обществ. Символическое присутствует там в обрядах жертвоприношения, потлача, дара, погребения.

Характерно, что если для современной цивилизации основным жизненным принципом является культ накопления, то первобытное общество демонстрирует культ нерациональной траты как воплощение символического начала жизни.

Власть для Бодрийяра представляет собой процесс одностороннего отдаривания. Примеры такого одностороннего отдаривания он видит в предоставлении обществом рабочих мест (“дарение труда, на которое невозможно ответить разрушением или жертвоприношением”), в дарах средств массовой информации, на передачи которых ничего невозможно возразить, в дарах социальной системы страхования и здравоохранения.

“Для нынешнего капитала, этой гигантской полиморфной машины, символическое (дар и отдаривание, взаимность и обратимость, трата и жертвоприношение) не значит больше ничего, природа (базовая референция источника и субстанции, диалектика субъекта/объекта и т.д.) тоже ничего

больше не значит, да и политическая экономия переживает сама себя в состоянии глубокой комы, зато все эти призраки по-прежнему бродят в операциональном поле ценности” [6, с. 96]. Что можно противопоставить господству капитала? Система не может быть уничтожена прямой, диалектической революцией ее экономического или политического базиса. Бодрийяр считает, что ее нельзя победить по ее логике (логика энергии, расчета, разума и революции). Ее нельзя победить в плане реального.

В этих рассуждениях Бодрийяра есть смысл, если исходить из посылки, что система представляет собой не нечто реальное, а лингвистическую модель, матрицу, которая может быть разрушена только посредством действий, разрушающих ее репрессивный семиозис.

Представлять систему в качестве реальной — значит следовать ее логике, поскольку сама противоположность реальное—воображаемое — результат работы лингвистического кода.

Бодрийяр и его постмодернистские последователи увидели реальную слабость системы в ее неспособности реагировать на символическое (иррациональное), поскольку она заходит в тупик, когда нарушается сам принцип обмена, выгоды, накопления, когда исчезает чувство страха как мощный инструмент контроля. Так, когда человек ничего не боится, поскольку на кон поставлена его смерть, он делает вызов системе посредством своей смерти. Система не может адаптировать иррациональное, которое, по сути, и есть символическое. Иррациональное не адаптируется. Например, в случае с деятельностью террористов, которые рискуют своей жизнью по совершенно непонятным причинам, мы можем наблюдать абсолютную беспомощность власти. Как отмечает Бодрийяр, колоссальный аппарат власти словно разжижается в этой ситуации.

Бодрийяр считает, чтобы победить систему, ей надо бросить вызов; надо предоставить такой дар, на который она не сможет ответить. “... Этот дар, на который она должна ответить, чтобы не потерять лицо, — этот дар, конечно, может быть только даром смерти. Пускай система *сама себя убьет, отвечая на многократный вызов смерти и самоубийства*” [6, с. 99].

Кажется, что рассуждения Бодрийяра имеют мало отношения к действительности. Однако развал советской системы тоже был подготовлен во многом символическим действием, движением диссидентов. Кучка людей противостояла гигантской репрессивной машине. Они своей смертью бросили вызов системе, на который система смогла ответить только своей собственной гибелью.

Власть и смерть как фундаментальные темы постмодерна

Мишель Фуко, социолог, близкий к философии постмодерна, посвятил целый ряд работ проблемам “генеалогии власти”, то есть анализу стратегий и дискурсивных практик, определяющих положение человека в современном обществе. В первую очередь его интересовали те трансформации, которые власть претерпела на протяжении своего длительного развития. Особенно важно для него было исследовать современный тип власти, который нельзя понять исходя из традиционных представлений о власти как о носителе системы запретов, как о некоем легитимном репрессивном органе. Здесь мы не будем касаться всего сложного комплекса проблем, которые затраги-

вает Фуко в своей “генеалогии власти”. Нас будет интересовать то, как Фуко рассматривает власть в ее непосредственной близости к человеку, к его жизни и свободе. В его анализе явно различаются два типа власти: один тип характеризуется функционированием суверенной власти как способности к принуждению, насилию, захвату, другой предстает как некая безличная сила, не имеющая специального центра своего распространения, что свойственно современной форме власти, возникшей на рубеже Просвещения и XIX века.

“В течение длительного времени одной из характерных привилегий суверенной власти, — замечает Фуко, — было право на жизнь и на смерть. Формально оно происходило, без сомнения, из права *patria potestas*, дававшей отцу римской семьи право “распоряжаться” жизнью своих детей как жизнью рабов; он им ее “дал” — он мог ее у них и отнять” [7, с. 238].

Такой тип власти возник в результате непрерывных кровавых конфликтов, вооруженной борьбы, повсеместно присутствующих в истории древних обществ. Он представляет форму господства, обусловленную хронической нехваткой жизненных ресурсов.

Фуко отмечает, что в европейских монархиях право монарха на жизнь и смерть подданных было ограничено определенными условиями. В просвещенных монархиях это право уже не мыслят как абсолютное и безусловное. Оно осуществляется только тогда, когда возникает угроза существованию монарха. Только когда возникает угроза его жизни, он может требовать от подданных, чтобы они его защищали, рискуя для этого своей жизнью.

Однако право монарха на жизнь своих подданных реально предстает как право на их смерть. Монарх не дает подданным жизнь, единственное, что он может сделать — это забрать жизнь или сохранить ее. Как отмечает Фуко, “свою власть над жизнью он маркирует смертью”, которую может потребовать от подданных. Право на жизнь тождественно праву на смерть. “Власть здесь была, в первую очередь, правом захвата — над вещами, временем, телами и, в конечном счете — над жизнью; ее кульминацией была привилегия завладеть жизнью для того, чтобы ее уничтожить” [7, с. 240]. Итак, отношение власти и жизни маркировано смертью, смерть выступает одной из важных конфигураций власти, одной из главных ее ипостасей.

С позиций власти, социальный порядок основан на незыблемых правилах, по которым в мире осуществляется порядок рождения и смерти. Нарушение этих правил грозит хаосом, утратой социального контроля. Так, например, в пьесе О.Уайльда “Саломея” Царь Ирод угрозу своей власти увидел не в том, что новый пророк, о котором возвещал Иоанн Креститель, утверждает свою власть благодаря различным чудесам исцеления, а в том, что несет новый порядок, в котором перепутана очередность жизни и смерти, мертвые воскресают после своей смерти. С позиций земной власти, власть Христа — это антивласть, поскольку вместо того, чтобы убивать, она воскрешает. Власть опасается не того, что Христос творит чудеса, она опасается чуда определенного рода, чуда исцеления мертвых. “Исцеление мертвых” полностью переворачивает существующие властные отношения, возникшие из определенного порядка жизни и смерти, это прямая угроза власти. Ведь право жизни и смерти принадлежит кесарю. Воскрешение мертвых нарушает привычный ход вещей, вносит хаос в систему властных отноше-

ний. Оно перечеркивает право суверена на жизнь и смерть, точнее говоря, на смерть. Смерть благодаря новому порядку может превратиться в жизнь.

Начиная с XIX века власть в своих отношениях с жизнью и смертью претерпела определенные трансформации. У нее появились новые функции, среди которых “подавление”, “запрещение”, “взимание”, “наказание” перестают быть основными. Теперь власть, по Фуко, скорее выполняет функцию “садовника”, она “лелеет”, “взрачивает”, “упорядочивает” силы. У нее появляется новая функция — управлять жизнью. При этом не надо думать, что Фуко видит в этом смягчение, либерализацию функций власти. Скорее наоборот, репрессивная функция власти, приобретая новую форму, только усиливается.

Доминантой политики становится проблема выживания. Власть занята по преимуществу решением таких проблем, как посевная и уборка урожая, обеспечение тепла, предотвращение распространения эпидемий и т.п. Теперь она “располагается и осуществляется на уровне жизни, рода, расы и массовых феноменов народонаселения” [7, с. 241]. Она взяла на себя функцию “заведования жизнью”.

В современном обществе, считает Фуко, происходит “дисквалификация смерти”. Наряду с выходом из употребления сопровождавших ее ритуалов из сферы публичной политики исчезают публичные казни, массовые расстрелы, смертные приговоры. Развитие медицины и здравоохранения уменьшают риск эпидемий. Создается иллюзия исчезновения смерти из общества, поскольку смерть всегда воспринималась не как чисто физиологический процесс, а как элемент проявления властных полномочий: божественных, царских или демонических. Современная власть старается исключить смерть из жизни общества, сделать ее присутствие незаметным, что равносильно намерению сделать незаметной власть, придать ей анонимный характер, поместить ее в различных частях общества.

Новая функция власти — управление жизнью или, как говорит Фуко, “заведование жизнью” — появилась благодаря изменению самого объекта политического воздействия. Им перестал быть отдельный индивид или социальные группы, им стали массы. Известно, что с VI века до 1800 года численность населения Европы не превышала 180 млн человек. А с 1800-го по 1914-й произошел своеобразный демографический взрыв, численность европейского населения подскочила до 460 млн. Власть не могла не отреагировать на такое изменение объекта социального управления, количественные изменения требовали кардинальной перестройки всей системы властных отношений.

Власть суверена имела дело с отдельным телом, его она предает пытке, расчленяет, казнит. В этом он видел манифестацию своей власти, своего права на жизнь и смерть. Теперь власть осуществляется по отношению к массе. Она занята дрессурой не отдельного тела, а массы. Поскольку массу нельзя казнить: уничтожить массу — значит лишиться себя опоры собственной власти, поэтому по отношению к ней осуществляется совершенно иная политика, массу пытаются сформировать, дисциплинировать, приучить. Отдельный индивид как предмет политики суверена исчезает, его место занимает масса, однако одновременно с исчезновением индивида исчезает и суверен.

Кроме дисциплины было открыто еще одно важное средство, с помощью которого можно управлять массой. Этим средством является *символ*. Именно символ стал творить чудеса по организации массы в единое целое. Новое рождение символа связано с появлением массовой культуры. Он оказался великолепным средством управления массой. Благодаря символам (коммунистическим, националистическим и др.) и соответствующей литургии массам была придана форма управляемого политического тела.

Новую форму политической деятельности, которая управляет массой (следует заметить, что в своем анализе Фуко практически не пользуется понятием массы), он еще называет “био-власть”. Она осуществляет две основные функции: функции дисциплины (армия, школа, обучение, фабрика, воспитание) и регулирования народонаселения (демография, оценка отношения между ресурсами и жителями). Философам Просвещения, по мысли Фуко, не удалось выработать единую политическую теорию, в которой эти различные техники власти были бы согласованы.

На самом деле, считает Фуко, сочленение этих двух техник власти произошло в “диспозитиве сексуальности”. В точке сочленения двух осей, двух техник власти оказался секс: с одной стороны, секс — это дрессура, дисциплина, интенсификация и экономия энергий, с другой стороны, он связан с народонаселением. “Секс — это доступ одновременно и к жизни тела, и к жизни рода. Им пользуются и в качестве матрицы дисциплин тела, и в качестве принципа народонаселения” [7, с. 251]. Получается, что введение секса в сферу технологий власти связано с появлением массы. Секс выступает как средство контролирования массы. Когда Фуко говорит, что современное общество — это общество секса, это следует понимать в том смысле, что это общество массы.

У современника Мишеля Фуко Жана Бодрийяра тема власти в современном обществе тесно связана с проблемой “институционализации” и “бюрократизации” смерти. Когда Бодрийяр утверждает, что глубинный закон современного общества — все больший контроль над жизнью и смертью, то этот его тезис перекликается с мыслью Фуко о новом типе власти, сделавшей жизнь, а не смерть предметом своей манипуляции. В резонанс с мыслями Фуко звучат слова Бодрийяра о том, что задача системы — “обеспечить контроль над всей протяженностью жизни и смерти”. “При всех кажущихся противоречиях задача несомненна: обеспечить контроль над всей протяженностью жизни и смерти. Будь то birth-control или death-control, казнят ли людей или принуждают к доживанию... — главное, что в любом случае им не дано решать самим, они не вольны в своей жизни и смерти, живут и умирают лишь с разрешения общества... Подобно тому как мораль требует “Не убий”, она требует сегодня “Не умри” — во всяком случае умри не как угодно, а только с дозволения закона и медицины” [6, с. 307].

В современном обществе смерть представляется как особая социальная услуга, такая же как страхование, пособие по безработице и др. Она бюрократизирована, подчинена функции социального контроля. Однако смерть с трудом подчиняется контролю, по своей природе она носит подрывной характер — “это прообраз упразднения самой власти”.

Наряду с контролируемой, бюрократизированной смертью в обществе сохраняется смерть, ускользнувшая из-под власти системы. Это несчастный случай, убийство и самоубийство. В перечисленных случаях частица

смерти “изъята из-под государственной монополии и отдана в сферу стийных, непосредственно символических взаимных отношений смерти” [6, с. 308].

Совпадает у Бодрийяра с Фуко и оценка самоубийства как определенного способа противостоять системе, превратившей смерть в разновидность социальной услуги, присвоившей себе контроль над жизнью и смертью. “Самоубийство, которое прежде считалось преступлением, — пишет Фуко, — поскольку было способом присвоить себе право на смерть, отправлять которое мог лишь суверен — тот ли, что здесь, на земле, или тот, что там, по ту сторону, — не нужно удивляться, что именно оно стало в ходе XIX века одной из первых форм поведения, вошедших в поле социологического анализа; именно оно заставило появиться — на границах и в зазорах осуществляющейся над жизнью власти — индивидуальное и частное право умереть” [7, с. 242]. “Самоубийство — акт похищения институциональной смерти и ее обращения против системы, которая к ней принуждает”, — вторит Фуко Бодрийяр [6, с. 308]. Бодрийяра интересуют различные формы вызова современной системе, то, на что она неспособна отреагировать, включив в свой закон ценности.

Бодрийяр ищет различные формы вызова системе-рабству. Такие формы вызова он находит в действиях палестинцев и бунтующих негров, поджигающих собственный квартал; в отказе от безопасности во всех формах; в невротических типах поведения; в демонстрациях, уличных беспорядках, провокациях. Добавим сюда террористов-смертников, борющихся с современной западной цивилизацией. В стремлении подчинить смерть системе Бодрийяр видит наиболее яркое воплощение социально-репрессивного принципа современного общества.

Для социологов-постмодернистов символическое — это не то, что адаптирует власть, стремясь направить, канализировать социальную энергию в особое рационально оправданное русло. Символ — это то, что противостоит системе, перманентно воплощая вызов. Итак, с одной стороны, власть начинается там, где кончается символическое, с другой — символическое представляет угрозу власти, обладая смертоносной эффективностью.

Вместе с тем символы и симулякры — мощное средство манипуляции массами. Именно в форме симулякров символическое продолжает воздействовать на современные культурные процессы. На смену дискурсу модернизма идет культурная политика постмодернизма, где ключевое место начинает занимать “нерационализированный симулякр” (М.Фуко).

Как пишет, заключая свой анализ, С.Лэш, постмодерное зрелище пришло на смену реалистической, нарративной, дидактической, классовой и т.д. культуре современного общества, следствием которой было распространение инструментального индивидуализма и безудержного потребительства. Он вслед за Фуко, Лиотаром, Делёзом концентрирует внимание на определенных тенденциях постмодерной культуры:

— постмодернистское искусство апеллирует к раскодированному, бессознательному либидо; такое искусство порывает с классической эстетикой представления, проникая глубже уровня реального, обозначаемого, к чувствам, желаниям, телесному и бессознательному;

- постмодернистское искусство действует при помощи поливалентных функций глаза и уха, ускоряет непосредственное декодирование, разрушает границы между внутренним и внешним;
- культура постмодернизма критична по отношению к дискурсу социальных наук, догм реалистического и формалистического искусства;
- в итоге современная ситуация характеризуется в значительной степени “политизированной борьбой за структурирование бессознательного в мире повседневной жизни” [4, с. 121–122].

Таким образом, ослабление метанарративов в современной культурной продукции, вытеснение социального на периферию культурных практик наших дней, что характеризует ее постмодерное состояние, определяют место символизации в нашей жизни.

Социологии постмодерна посредством понятий символа и симулякра удалось зафиксировать феномен тотальной семиотизации социального бытия. Означающее без означаемого приобрело в современной культуре статус единственной и самодостаточной реальности.

Распространение на все сферы социальной жизни гегемонии “пустого знака” порождает эру тотальной симуляции, когда власть выступает как симуляция власти, когда современные масс-медиа имитируют общение, а политические партии свою массовость. Семиотизация охватывает и сферу общественного производства, когда товары предстают не в аспекте потребительной или меновой стоимости, но в аспекте знаковой стоимости.

Современная культура утрачивает живое ощущение жизни и реальности. Язык как способ понимания реальности упразднил саму реальность, превратив бытие в знак. В целом мы можем констатировать, что культура постмодерна обнаруживает отказ от проблемы реальности, преобразуя ее в семиотическую проблему.

Литература

1. *Delanty G.* Social Theory in a Changing World. — L., 1988.
2. *Baudrillard J.* In the Shadow of Silent Majorities or the End of the Social and Other Essays. — N.Y., 1993.
3. *Lash S.* Another Modernity. A Different Rationality. — Oxford, 1999.
4. *Леш С.* Соціологія постмодернізму. — К., 2003.
5. *Мосс М.* Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность. — М., 1996.
6. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. — М., 2000.
7. *Фуко М.* Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. — М., 1996.